ГРЕГ ГАМИЛЬТОН

ИДЕМ КО ДНУ

Идем ко дну
Грег Гамильтон

Аннотация
Грег Гамильтон. Идем ко дну
Действующие лица
Действие первое
Действие второе

Аннотация

Прославленный пассажирский лайнер «Каталония» отправляется в свой последний рейс. Некая компания ухитрилась продать билеты на круиз, который должен закончиться на океанском дне. На борту собрались все – от кинозвезд до авантюристов. И снова Гамильтон восхищает нас неожиданными поворотами. Лайнер не идет ко дну. Знаменитый лондонский судья Стингер берется выяснить, нет ли правонарушений в действиях фирмы, продавших билеты на тот свет. А герои, еще вчера намеревавшиеся расстаться с жизнью, снова хотят жить.

Грег Гамильтон
Идем ко дну

Действующие лица

Кен Барт — журналист в поисках сенсаций.

Судья Стингер — надеется искоренить зло.

Кетлин Мур — аферистка, вызывающая симпатии.

Сэр Эдвард — любит свою жену.

Леди Хлоя — не оценила его привязанности.

Гораций Нельсон — однофамилец великого флотоводца, ресторатор.

Петти Инквайер — кинозвезда в стадии угасания.

Капитан Тайгер — бравый моряк.

Пьер — лучший из официантов.

Чарльз Донован — человек, разгуливающий по Лондону в набедренной повязке.

Действие первое

Картина первая

Ресторан пассажирского лайнера «Каталония». Общая обстановка зала скорее угадывается, чем видна, но спешим вас заверить — здесь все, как положено. Белоснежные скатерти. Звяканье хрусталя. Сверкание столового серебра. Тихо, но достаточно слышно звучит рояль.

На переднем плане стол капитана, который украшают своим присутствием сам ***капитан Тайгер*** *в парадном мундире и старший официант* ***Пьер****.*

Капитан*(разглядывая табличку с именами).* Кто такая эта самая Кетлин Мур?

Пьер. Устроительница круиза, сэр.

Капитан. Уберите ее куда-нибудь подальше.

Пьер. Что вы скажете насчет Кенета Барта?

Капитан. Кто он такой, Пьер?

Пьер. Не знаю, сэр, но смею предположить — какая-нибудь важная персона, если его сунули за капитанский столик.

Капитан. Подсадите к нему госпожу Мур, а с другого борта прикройте ее мистером Нель-

соном — этот все равно не даст никому слова сказать, так пусть уж лучше ей. Кто там у нас остался?

Пьер. Сэр Эдвард, капитан. Он сидит рядом с вами.

Капитан. Оставьте его на месте — мне будет спокойней, когда он рядом.

Пьер. И наконец наша несравненная Петти Инквайер.

Капитан. Подумать только — ей черт-те сколько лет, а она все еще блистает! Конечно же, устроители определили ее напротив меня.

Пьер. Утверждают, что она прекрасно выглядит… Если не вглядываться…

Капитан. Она сделает все, чтобы привлечь к себе внимание. Не дай боже!..

Пьер. Не надевайте очков, сэр, и общая смазанность картины отразит на вашем лице ту самую сдержанную мужественность, которую, собственно, от вас и ждут.

Капитан. Дельная мысль, Пьер, поэтому я вам прощаю некоторую вольность суждений по поводу остроты зрения вашего капитана.

Пьер. Прошу прощения, сэр. А вот и гости!

Хрустальный перезвон склянок. Пианист играет что-то бравурное. У стола появляются

гости. Женщины в вечерних туалетах. Мужчины в смокингах. ***Кетлин Мур*** *— очаровательная женщина лет тридцати.* ***Петти Инквайер****, сверкающая как лед на солнце дама неизвестного количества лет.* ***Сэр Эдвард*** *держит в руках стильный кейс, а* ***Гораций Нельсон****, известный ресторатор — самого себя. Про* ***Кеннета Барта****, достигшего мужской зрелости, можно сказать, что его скромность намекает на то, что в нем есть что-то помимо скромности.*

Улыбки, возгласы, рукопожатия и восторги. Сверкание фотовспышек.

Петти. Добрый вечер, леди и джентльмены! Добрый вечер!.. А, капитан!.. Вы все так же мужественны, как и тридцать лет назад!

Капитан. А вы все так же красивы…

Гораций. Что вы!.. Гораздо красивее!.. *(Оглушительно хохочет.)*

Петти. А вы по-прежнему не против поволочиться за хорошенькой женщиной, Гораций… В ваши-то годы!..

Пьер. Ваши имена, леди и джентльмены, указаны на карточках. Если кто-то из вас не согласен с предложенным вам местом за столом…

Эдвард. Я всегда сижу рядом с капитаном.

Пьер. В этот раз тоже.

Сэр Эдвард решительно направляется к своему месту. Усаживается. Пристраивает кейс рядом.

Эдвард. Здравствуйте, капитан!

Капитан. Рад вас приветствовать, сэр Эдвард! Можно полюбопытствовать, что это за предмет?.. Знаете, требования безопасности и все такое прочее…

Эдвард. Это леди Хлоя.

Капитан. Понимаю… *(Пьеру.)* Что несет этот болван? Какая леди Хлоя?

Пьер. Сэр Эдвард утверждает, что в кейсе — прах его покойной жены. Если позволите, сэр, взять его с собой в данных обстоятельствах было бы вполне уместно.

Капитан. Внутри ничего не тикает?

Пьер. Булькает.

Капитан. Прах?.. Только не говорите, что вы не пробовали!

Пьер. Прекрасный виски двадцатилетней выдержки!

Капитан. Мир ее праху!.. *(Собравшимся.)* Господа! Все вы хорошо знакомы с традициями на борту «Каталонии». Я — ваш гость в такой же степени, как и вы — мои. Обед, смею вас заверить, превосходен. Пьер, которого вы прекрасно знаете, готов это подтвердить. Темы разговоров — лю-

бые, кроме грустных. А выпивка — любая, кроме воды. Рад вас приветствовать на борту, леди и джентльмены!

Поднимает бокал.

Эдвард. Ваше здоровье, капитан!

Пьер суетится у стола, разливает напитки, предлагает закуски — словом, делает все, что положено человеку его занятий в присутствии важных гостей.

Гораций. Шампанское неплохое. Дом Периньон, надеюсь!

Пьер. Безусловно, сэр!

Гораций. Тысяча девятьсот тридцать шестой.

Пьер. Тысяча девятьсот тридцатый.

Гораций. Но это невозможно! Его нет нигде в мире! Даже у меня нет!

Пьер. А у нас есть! Осталось несколько сот бутылок. Пейте сколько влезет.

Гораций. У меня есть другая идея. Я его покупаю.

Пьер. Оно не продается. Да и зачем оно вам… *там*?

Петти. А я вот выпью! Что еще делать с шампанским, если не пить?

Гораций. Купаться в нем. Или продавать.

Петти. Купаться!.. Я не торгую шампанским.

Гораций. Вином вы не торгуете. Собой вы уже давно не торгуете — нет спроса. На что же вы живете?

Кеннет*(Кетлин)*. Полагаю, это у них всегда так… Кеннет Барт, к вашим услугам. Можно просто Кен.

Кетлин. Кетлин Мур. Можно просто Кетлин. Я вообще-то наблюдаю эту компанию впервые, но, думаю, вы недалеки от истины. У богатых всегда так. Особенно в предверии… известных событий. Извините, Кен, вы богаты?

Кен. Я — нет.

Кетлин. Как же вы попали сюда?

Кен. Выиграл в лотерею билет на этот круиз, а с ним и приглашение за капитанский стол.

Кетлин. Так вы везунчик!..

Кен. Если эту поездку можно назвать везением…

Кетлин. И все же вы здесь!

Кен. Разве можно было пропустить такую возможность!.. Люблю, знаете ли, поучаствовать в приключениях.

Кетлин. Ничего себе приключение!

Кен. А особенно люблю наблюдать за любителями экстрима. Диву даешься, на что бывает способен человек, если у него есть деньги и повод,

заставляющий пускаться в такое путешествие, как наше.

Кетлин. У каждого человека есть душа.

Кен. И у людей, решивших на этом заработать?

Кетлин. Значит, вы знаете, кто я?

Гораций*(Кену)*. А кто, кстати говоря, такой вы? Пьер, еще бокал!

Петти. Мне тоже!

Гораций. Не форсируйте, дорогая. Возможности уже не те!.. *(Кену.)* Вы хорошо держитесь, молодой человек. Уверенность в себе могут дать деньги, деньги и еще раз деньги. Следовательно, вы богаты. Чем занимаетесь? Нефть, компьютеры, финансовые аферы?

Кен. Всем понемногу.

Гораций. Я так и думал. Леди и джентльмены, ваше здоровье! Господин капитан, надеюсь, мы следуем нужным курсом!

Капитан. В нужном месте мы будем завтра на рассвете.

Эдвард. У этого места есть координаты, капитан Тайгер?

Капитан. Это конфиденциальная информация, но вам я отвечу — есть!

Эдвард. Я так и думал. *(Обращается к кейсу.)* Видишь, дорогая, все идет по плану.

Петти. Он сбрендил.

Гораций. А я-то поначалу думал, что только вы.

Петти*(Горацию)*. Не пытайтесь меня рассмешить. Я не могу смеяться.

Гораций. Подтяжки лопнут?

Кен. Как вы думаете, Кетлин, эти люди сумасшедшие, или мы просто попали на некое сборище, где деньги дают задаром?

Кетлин. Только ненормальный, братан, надеется заполучить что-нибудь просто так. Вы хотите меня?

Кен. Нет.

Кетлин. Исключительно ради любопытства — почему?

Кен. У меня нет денег.

Кетлин. Вот!.. А без денег?

Кен. Тоже нет.

Кетлин. Тот же вопрос.

Кен. Это обойдется дороже. Вдруг мне придет в голову продолжить наши отношения… Чем буду крыть?

Кетлин. Тем же, что в первый раз.

Кен. Вы всегда так?

Кетлин. Так что?

Кен. Говорите что думаете.

Кетлин. Только с теми, кто мне симпатичен.

Кен. А если нет, но продать это надо обязательно?

Кетлин. Как билеты на этот рейс? Здесь как раз можно было говорить что угодно, только не правду. Люди очень своеобразные существа. Любой поступок должен содержать элемент тайны или хотя бы намек на нее. Дайте понять человеку, что вам известны истинные причины его намерений, и вы его спугнете.

Кен. Неужели для кого-то цель нашего путешествия является тайной?

Кетлин. Конечно, нет! Но многие именно так и думают. Поговаривают, что мы плывем открывать новые земли.

Кен. В известном смысле, если учесть, что океанское дно — тоже земля… Кто только не высказывался по поводу своеобразия человеческой натуры, прикрывая этими рассуждениями обыкновенный факт купли-продажи.

Кетлин. Вы — не торговый человек, Кен, поэтому вы не знаете, что бывают случаи — крайне редкие, правда, — изначально обреченные на успех. Что бы вы ни выставили на продажу — сметут с прилавка, и зевать тут нельзя. Мне эта мысль пришла в голову на одну шестую секунды

быстрее, чем ближайшему конкуренту, и я не стала медлить.

Кен. Никогда бы не подумал, что можно торговать иллюзиями.

Кетлин. А чем еще можно торговать, сэр? Вы купили дорогущий автомобиль и в первый же выезд своротили дерево возле аптеки на углу. Хорошо хоть аптекарь, человек не далекий от медицины, оказал вам первую помощь. Возможно, вы и не предполагали подобного развития событий, но машинку-то вы на всякий случай застраховали! Неописуемой красоты бриллиант от Тифани, который вы водрузили на пальчик вашей возлюбленной прежде чем получить от нее некий знак признательности, который вы получили бы и без бриллианта, она прихватила с собой, бежав в ту же ночь со случайным встречным в баре в направлении, неизвестном даже ему. Бывают покупки подешевле — ну, скажем, в размере годичной зарплаты среднестатистического гражданина. Платье лопнет по шву. Каблук отвалится. Мебель грохнется на спины гостей. Стены мягко осядут вниз. А телевизор взорвется, создав у соседей приятную иллюзию перестрелки. Поэтому что бы вы ни покупали в роскошном магазине, на базаре, в демонстрационном зале

всемирно известной фирмы, в подворотне или в прелестной спальне, запомните — вы покупаете иллюзию!

Кен. Вы меня разочаровали, Кетлин.

Кетлин. Не рано ли?

Кен. Подворотню вы поставили выше спальни.

Кетлин. Приятные воспоминания, знаете ли…

Официант подходит к капитану, передает ему записку. Капитан ее читает.

Капитан. Леди и джентльмены! Последнее сообщение с мостика. Мы следуем четко по графику. Погодные условия превосходны. Температура морской воды двадцать четыре градуса. Ветер пол-балла. Море в таком же состоянии.

Эдвард. Море — пол-балла… Что это означает, Пьер?

Пьер. Полный штиль, сэр!

Эдвард*(кейсу)*. Ты слышишь, дорогая… На море полный штиль!

Капитан. С некоторым опозданием, дамы и господа, позвольте представить вам нашего кудесника за роялем. Это, разумеется, несравненный Гарри Мозес, который с помощью своего высокого искусства делает окружающий мир лучше, нежели он есть на самом деле. *(Про себя.)* Хотя куда уж лучше…

Аплодисменты и новый взрыв музыки.

Пьер. Перед ужином судовой врач передал успокоительное в одиннадцать кают, сэр.

Капитан. О чем вы, Пьер?

Пьер. Возможно, не все наши гости разделяют ваше замечание о лучшем мире.

Капитан. Передайте вахтенному механику, что мне не нравится звучание левой машины.

Пьер. Блестяще, сэр! *(Удаляется, бормоча про себя.)* Если учесть, что мы идем на правой…

Эдвард. Неполадки в машине?

Капитан. С чего вы взяли, сэр Эдвард?

Эдвард. Ее не слышно.

Капитан. Если вы помните, машин на «Каталонии» не слышно никогда! Абсолютное безмолвие!.. Только плеск волн.

Эдвард. У меня в последнее время сильно сдал слух.

Капитан. Что?

Эдвард. Плохо слышу, говорю…

Капитан. А… Но со зрением-то у вас все в порядке.

Эдвард. Да… Вы ведь капитан Тайгер.

Капитан. Как есть!

Эдвард. А кто я?

Капитан. Ну, не знаю. Выпейте, сэр. Это освежа-

ет память. Пьер!..

Появившийся как из-под земли Пьер наполняет бокал сэра Эдварда, затем проделывает то же самое с бокалами остальных гостей.

Гораций. Дом Периньон тысяча девятьсот тридцатого года, надеюсь.

Пьер. Пиво кончилось, сэр.

Капитан*(сэру Эдварду)*. Давайте порассуждаем. Рядом со мной всегда сидели люди достойные. Впрочем, как и сейчас.

Гораций*(Петти)*. Слыхали!

Петти. Это вы-то — достойный?

Капитан*(сэру Эдварду)*. Ваши места, помнится, в течении двадцати лет занимали сэр Эдвард со своей очаровательной супругой леди Хлоей.

Эдвард*(кейсу)*. Это он о нас с тобой, дорогая!

Капитан. Так вы, значит, сэр Эдвард!

Эдвард. Ну конечно.

Капитан. Стало быть, вы все слышите!

Эдвард. Я вижу! Это ведь вы, капитан Тайгер!

Капитан. Помнится, мы это уже обсуждали, но все равно приятно… Пьер, передайте на мостик пусть прозвучит гудок в честь нашего дорогого гостя сэра Эдварда!.. Без особой помпезности — один короткий.

Пьер. Слушаюсь, сэр!

Бросается выполнять приказание.

Гораций*(Петти)*. Помнится, тогда в шлюпке, дорогая, после того, как *это* произошло, вы тоже слышали гудок. Запросили они немало, но дело того стоило!

Петти. Это было не в шлюпке, а на какой-то скамейке, где отчаянно дуло. К тому же мы шли в тумане и лайнер постоянно напоминал о себе гудками. У них всегда так… Один матросик позже объяснил мне это. Так что вы напрасно порастрясли мошной.

Гораций. Какая скамейка? Какой туман? И, черт побери, какой матросик?

Петти. Вы думаете, я помню… Ах, да — он заикался! Никак не мог объяснить, что ему от меня нужно. Но я догадалась!

Гораций. Еще бы!..

Петти. Но гудка в тот раз не было.

Гораций. И меня тоже!..

Петти. Естественно. Иначе зачем бы я вам об этом напомнила.

Гудок.

Мгновения полной тишины, в течение которых каждый думает о своем.

И снова за роялем священнодействует Гарри Мозес.

Капитан. Слышали, сэр Эдвард?

Эдвард. Нет.

Капитан. Но меня-то вы слышите!

Эдвард. Читаю по губам. Меня еще в детстве дед научил. Кстати, это умел и Черчилль. Однажды в палате лордов я такое ему телеграфировал!.. Справедливости ради, следует сказать, что к тому моменту он уже безмерно надоел всем.

Капитан*(про себя)*. Кто кому надоел…

Эдвард. Я хочу угостить вас виски, капитан. Это нечто особенное! Уверен, ничего подобного вы до сих пор не пробовали. Ко мне оно попало совершено случайно. Его обнаружил в самом темном углу винного погреба мой дворецкий. Представляете, всю жизнь я чего-то добивался, приумножал состояние предков, обхаживал леди Хлою, потом выворачивался наизнанку, чтобы удержать ее в рамках приличий, воевал с Гитлером, сотрясал стены палаты лордов и однажды даже сказал Черчиллю, что он дурак — и все это время виски стояло в темном углу, и я ничего о нем не знал!..

Капитан. Бывает, сэр. Я тоже однажды так напился… Пьер!..

Эдвард. Не надо Пьера!

Берет кейс, нащупывает и открывает пробку.

Разливает напиток по бокалам.

Капитан. Так ведь это же… прах леди Хлои!

Эдвард. В сущности говоря, все в этом мире прах. Кроме виски.

Оба пробуют виски.

Капитан. Она была редкой женщиной, леди Хлоя.

Эдвард. Совершенно с вами согласен.

Кетлин. Как трогательно!.. Назвать виски в честь любимой женщины!.. Ее нет уже столько лет, а он все еще скорбит. Полагаю, именно поэтому он здесь, на борту «Каталонии».

Кен. Рассказать вам историю этой скорби?

Кетлин. Вы знаете?

Кен. В общих чертах.

Кетлин. Я слышала, леди Хлоя погибла, катаясь на лыжах в Альпах. Муж кремировал тело, и с тех пор прах постоянно находится при нем. Вон в том кейсе!..

Кен. Если учесть, что из него что-то постоянно наливают…

Кетлин. Не кощунствуйте, молодой человек!..

Кен. Виски не может быть поводом для кощунства. Иногда оно способно его поощрить, но здесь не тот случай. Что более-менее соответствует действительности, так это место действия. Поговари-

вали, что леди съехала с трассы и повстречалась с деревом. Упоминались также инструктор-мусульманин и камердинер сэра Эдварда, неожиданный сход лавин и вмешательство потусторонних сил. В этом скопище предположений утонули робкие голоса, утверждавшие, что поведение леди не совсем соответствовало положению ее мужа. Предпочтение было отдано дереву — надо же было как-то объяснить наличие праха. Забывается все, кроме легенд. Необычность этой истории заставляла общественное мнение периодически возвращаться к ней. Несколько лет назад некий удачливый репортер выяснил, что хозяйкой одного из отелей неподалеку от выше упоминавшегося дерева является женщина, поразительно напоминающая леди Хлою, а управляющий поразительно похож на камердинера. Глубоко копать не стали. Разразилась война в Ираке, убрав все остальные новости с первых полос газет.

Кетлин. Печально, что такая вдохновляющая история имеет такой банальный конец.

Кен. И на что же она вас вдохновляет? Долбануться о дерево? Или вы предпочитаете лыжного инструктора?

Кетлин. Странные люди вы, мужчины. Не знаете, как от нее избавиться, а когда она, устав от

вашей бездеятельности, бросает вас сама, предпочитаете скорбеть, да так громко, что ваши стенания, очень напоминающие подзабытый сигнал воздушной тревоги, создают панику в центре Лондона.

Кен. Я вижу, у вас какие-то особые права обличать мужчин… Интересно, кто нынче наделяет такими полномочиями?

Кетлин. Женщины!.. Это так романтично — опуститься на дно вместе с лайнером, на котором некогда был так счастлив с любимой женщиной!.. Согласна, здесь есть некоторые шероховатости — в жизни они, кстати, присутствуют всегда. Меня, например, напрягает этот камердинер.

Кен. А вдруг он — внебрачный сын коронованной особы?

Кетлин. Правда, не шутите? Ну, так уберите все эти шероховатости, и сразу же все волшебно переменится к лучшему.

Кен. Вы еще слезу уроните… Окажитесь где угодно, хоть посреди пустыни, с любимым или нет, как придется, но непременно живой — вот где романтика!..

Кетлин. Слушайте, Кен, кто вы такой? Мужчина, чем бы он не зарабатывал на жизнь, не может быть до конца лишен чувства прекрасного. Даже

шахтеру нравится его… как он там…

Кен. Забой.

Кетлин. Да.

Кен. Искатель приключений.

Кетлин. И что в этом плане вы рассчитываете найти здесь?… Если отбросить незатейливую придумку о выигрыше в лотерею, которую никто не проводил…

Кен. Бывает, находишь не то, что ищешь… А вдруг вы и есть приключение…

Кетлин. Как мило, хотя в этом качестве я себя никогда не рассматривала.

В зал как ураган врывается ***судовой фотограф****, сверкая вспышкой и призывая окружающих оказывать ему всяческое содействие.*

Фотограф. Дамы и господа! Изображение для истории. Последний рейс нашего суперлайнера! Хотя, я вижу, тут есть и те, кто побывал на первом.

Капитан. Форсируйте, Денисон. Сейчас не тот случай.

Фотограф. Еще какой, сэр! Я получил одиннадцать заказов от ведущих мировых информационных агентств!

Кен. Как вы это упустили, Кетлин?

Кетлин. Где вы были, когда я планировала этот

налет?

Эдвард*(капитану)*. Что он сказал?

Капитан. Кто?

Эдвард. Тот тип со вспышкой.

Капитан. Предложил выпить.

Эдвард. Он, должно быть, сошел с ума. При таком виски!..

Фотограф. Боже, кто это!.. Петти! Вот так встреча!.. Мы снова в кадре!..

Гораций. Что я скажу жене?

Фотограф. Внимание, леди и джентльмены, все смотрят на меня! Вы счастливы. Вы в предвкушении радостного события, которое случится очень скоро!

Эдвард. Я его послал!

Блеск фотовспышки. Восторженный рев гостей.

Капитан. Сомневаюсь, что он читает по губам.

Занавес

Картина вторая

Место действия — то же. Ближе к рассвету. Здесь нынче остались лишь те, кто откуда бы то ни было уходят последними. За роялем священнодействует ***Гарри Мозес****. Он выше клавиш и где-то в облаках. Несколько пар танцуют. За*

капитанским столиком ***Кетлин*** *и* ***Кен****. Кен снял смокинг.*

Появляется ***Пьер****.*

Пьер. Господа желают что-нибудь выпить?

Кен. Послушайте, Пьер, то самое шампанское… ну, вы знаете… Оно и вправду столь редкостное, что при упоминании о нем зеленеет сам мистер Нельсон?

Пьер. Разумеется, нет. Того самого, от которого у людей меняется цвет лица, нет даже у нас. Но почему бы не сделать человеку приятное… Я подавал обычное французское вино, из тех, что нашлось на складе. Кстати говоря, неплохое.

Пьер. Сомневаюсь, что он когда-нибудь пробовал оригинал.

Кен. Так что все прошло как нельзя лучше… Нет, благодарю вас, Пьер. Мы, пожалуй, воздержимся.

Пьер. Все лучшее обычно случается, когда его не ждешь.

Пьер *удаляется.*

Кетлин. И чего же мы не ждем на этот раз?

Кен. Когда вы перестанете темнить. Я здесь для того чтобы прояснить ситуацию, а все вокруг, включая вас, несут нечто невразумительное, и это заставляет предположить, что все вы — одна

банда.

Кетлин. Значит, вы все-таки из полиции!

Кен. А что, похож?.. Люди от природы очень любопытны. Причем не только те, кто работает в полиции. А посетители ипподрома? А известная всему городу вещунья мадам Вессон, которая не сделала ни одного дельного предсказания, и лишь однажды по пьяному делу предсказала повышение цен на виски — а для репутации большего и не требуется — и в этой связи на прием к ней записываются за месяц? А пожилая английская мамаша, желающая знать, залетела ли ее дочь Мери от предполагаемого жениха Джона, или, может, тут расстарался приятель жениха Джим, что резко меняет расстановку сил перед свадьбой? Люди желают знать, понимаете… Я тоже!

Кетлин. «Каталония» не пойдет ко дну.

Кен. А я-то надеялся…

Кетлин. Не все мечты сбываются…Мы, собственно, никому этого и не обещали… Мы предлагали билеты на последний рейс знаменитого лайнера, и только. Мысль о том, что судно будет затоплено на глубине в шесть миль…

Кен. Это так романтично!..

Кетлин. …витала в воздухе и…

Кен. …всячески подогревалась кем ни попадя,

что привело к неслыханной давке в кассах. Хотя, признаюсь, вам далеко до нашего викария. Тот на любой вопрос прихожан всегда отвечал: «Все в руках Божьих, дети мои», причем так убедительно, что никому уже не приходило в голову спросить: «А что именно?»

Кетлин. Вот что такое отлично организованная рекламная компания! Заметьте, что факт утопления не упомянут ни в одном документе!

Кен. Еще бы!.. С точки зрения юриспруденции все безупречно. А как с точки зрения морали?

Кетлин. А при чем здесь мораль?

Кен. А вот при чем… Большинство пассажиров взошли по трапу на борт, полагая закончить свои дни там, где некогда они были счастливы. Мне трудно судить, но разве это не повод расстаться с жизнью именно в этом месте? Кто-то смертельно болен. Кто-то остался один и уже не в силах это выдерживать. Одиночество — паршивая штука, и хотя вы не склонны к разного рода авантюрам, не рекомендую проверять это на себе. Пассажиры рейса, уверен, многое могли бы рассказать вам об одиночестве, но вы их не поймете. Это надо испытать самому.

Кетлин. Вы не производите впечатление человека, страдающего от недостатка внимания,

но что-то мне подсказывает, что нечто подобное случалось и в вашей жизни.

Кен. Было, не было — какая разница!.. Я не собираюсь на дно, разве что в качестве водолаза, но подобного рода услуги ваша фирма не предлагает. А теперь представьте себе, что вы не выполнили своих обязательств, похоронив тем самым чаяния людей, надумавших, скажем так, воспарить наоборот. Так вот, эти люди, когда все закончится, размажут вашу шарагу по ближайшей стенке. И не успокаивайте себя мыслью, что вы им ничего не обещали. Вы затронули их веру, а с верой шутить нельзя.

Кетлин. Вы не учитываете здравого смысла, мой друг.

Кен. А в таком путешествии он не нужен. В конце концов, право расстаться с жизнью столь же законно, как право жить.

Кетлин. Вы сели в поезд, но экспресс не довез вас до места назначения. Сошел с рельсов, знаете ли… Бывает. На этот случай существуют страховки и всякое такое. Слава Богу, вы остались в живых. Скажите, какой суд в мире примет к рассмотрению ваш иск к железнодорожной компании, основанный на том, что вас не расплющило в блин, а вам так этого хотелось?

Кен. Во всяком случае, я попытался бы его подать.

Кетлин. Но почему?

Кен. Вы не знаете людей. А что если среди пассажиров «Каталонии» есть человек, которого привела на борт последняя стадия отчаяния? Если бы он просто бросился под автомобиль, все приписали бы несчастному случаю. А ему не нужна обыденность. Нужна каюта, где ему когда-то было хорошо, как никогда в жизни, плеск волн, дальняя звезда над поверхностью моря, музыка фортепианного виртуоза в ресторане первого класса, басовитый пароходный гудок, завывание ветра во время шторма, даже запахи, которые, как по мне, одинаковы на любом пароходе, но для него они здесь особенные, и он надеялся проститься с жизнью вместе со всем этим. И если он действительно взошел по трапу ради этого, а вы его этого лишили, вам не отвертеться, ибо нет границ отчаянию человека, которому из-за вас придется умирать дважды. Это такая сфера, в которую нам с вами лучше не лезть. Расплющит!.. Поэтому давайте пригласим Пьера и попросим принести нам что-нибудь выпить.

Кетлин. Обслуживание до утра!.

Кен. Знаете, что отличает настоящую женщину

от всех прочих женщин?

Кетлин. Уж просветите!..

Кен. Ей всегда есть что сказать. Пьер!

Пьер *материализуется у капитанского столика, как всегда предупредительный и немногословный.*

Пьер. Дом Периньон тысяча девятьсот тридцатого года.

Кен. Так его нет в винном листе!

Пьер. Для настоящих гостей у нас всегда найдется что-нибудь стоящее.

Кетлин. А как определить, настоящие мы или нет?

Пьер. Интуиция, леди. Далеко не каждый перед лицом опасности может сделать правильный выбор. Знавал я одного *знатока* вин, который в то время, когда все надевали спасательные жилеты, хватался за чемоданы.

Кен. Что было дальше?

Пьер. Кто его знает… Извините!

Официант *покидает нашу парочку, которая продолжает беседу.*

Кетлин. Вы что-нибудь поняли, Кен?

Кен. «Есть много, друг Горацио, на свете, что недоступно нашим мудрецам».

Кетлин. В полицейских академиях ввели курс

шекспироведения… Какая прелесть!

Кен. К сожалению, нет, хотя и зря. Мэтр Шекспир был большим знатоком уголовной практики. У него столько можно позаимствовать!.. Взять хотя бы способы, с помощью которых человека можно избавить от бремени жизни. Какой размах — от банальной поножовщины до вливания в ушную раковину вредных для слуха веществ… Нет, я не полицейский, нет. Снова мимо. Так что, повторяю, с моей стороны вам ничего не угрожает.

Кетлин. Все же лучше предостеречься.

Кен. Знавал я одного парня, который утверждал, что красивой женщине постоянно угрожает опасность.

Кетлин. Ну, и где же он теперь?

Кен. Убедил в этом одну даму, и она пригласила его охранять собственную персону… Она его на себе женила…

*Появляется **Пьер** с подносом.*

Пьер. Эксклюзивный экземпляр. Из капитанского погреба!.. По моим сведениям, мистер Нельсон закончил свои эксперименты в танцевальном секторе и направляется сюда.

Откланивается и исчезает.

Кен. В шесть десять за мной прилетит вертолет.

Составите компанию?

Кетлин. В шесть утра экипаж и всех, кто пожелает, снимут спасательные суда. Надо проследить, что здесь и как.

Кен. Бизнес есть бизнес.

Кетлин. Вроде того.

Кен. Начнется паника, и все такое… Мне было бы спокойней, если бы я был рядом.

Кетлин. На каждого споткнувшегося выделены двое готовых немедленно его поддержать.

Кен. Вот это сервис!.. Короче говоря, сплошное надувательство… Романтики им захотелось!.. Нет чтоб покинуть земную юдоль тихо, по-семейному, в окружении дорогих родственников… Внимание, с правого борта заходит наш друг Гораций…

*К капитанскому столу приближаются **Нельсон** и **Петти**.*

Гораций. Леди и джентльмены!.. Сколько же вас здесь!..

Петти. Ты как всегда преувеличиваешь силы противника… Их только двое…

Гораций. Какие же это противники… Это наши друзья — Кетлин и Кен. Есть что выпить, ребята?

Кен. Ваш любимый напиток тысяча девятьсот тридцатого!

Гораций. Шутить изволите!..

Берет со стола бокал, рассматривает его на свет, пробует.

Гораций. Есть, конечно, джентльмены, не способные отличить шампанское от шампуня, но не все же… Ну какой же это Дом Периньон!.. Это вода из умывальника…

Петти. Это и есть вода, милый! Ты хлебнул воды из ведерка для шампанского. Лед растаял и образовалась вода.

Гораций. Какая образованная женщина!.. Ей известно, что вода существует в двух состояниях — жидком и твердом.

Кен. Бывает и третье — газообразное.

Гораций. А вы не хамите, молодой человек! Вы что, нас за идиотов держите?

Петти. Да.

Кен. Не вмешивайтесь, Петти, а то и впрямь подумают…

Гораций. Кто такая эта самая Петти?

Петти. Петти Инквайер — звезда Голливуда, которую если кто и не знает, то только последний пропойца, никогда не бывавший в кинотеатре.

Гораций. Это я!

Кен. А вы, сэр, несмотря на вашу патологическую нелюбовь к кино, — владелец всемирной

сети ресторанов «Адмирал Нельсон», в которых, может быть, и не подают напитков в газообразном состоянии, зато все остальное там есть!

Гораций. Чистая правда! Желаете сделать заказ?

Кен. Скажите, Гораций, что вы здесь делаете? Захотелось нырнуть?

Гораций. Нырнуть!.. Я плавать-то не умею… Сидели у меня в ресторане, ужинали себе мирно… порядочные люди — сэр Эдвард, еще какая-то пьянь… Кто-то и говорит: давайте, ребята, сгоняем на «Каталонии»… Кто-кто, а я всегда готов поддержать компанию…

Петти. Это надо же так напиться!..

Гораций. Ваша правда… Если бы я просто напился, не оказался бы я здесь и вместе с вами!

Кетлин. Теперь ваша история, Петти…

Петти. Все более-менее прозаично. Заснула я в собственной квартире. Проснулась в люксе на «Каталонии». Там еще скамейка на палубе прямо над иллюминатором. Очень милое место!..

Кетлин. Что было между первым и вторым?

Петти. Что и всегда… Мы ужинали…

Кен*(Кетлин)*. Заметьте, дорогая, никто из этих двоих понятия не имел о конечной цели нашего путешествия!.. Теперь самый сложный вопрос,

Петти. Кто был вместе с вами?

Петти. На скамейке — какой-то тип, чумазый такой… Он так смешно заикался… Сказал, что он прямо из машины, хотя какая машина на пассажирском лайнере…

Гораций. Кочегар!.. Я вижу, дорогая, вы пользуетесь спросом!..

Кен. Ладно вам, адмирал… Как-никак перед вами дама!.. Я не знаю, что она искала на той скамейке, но безусловно нашла! Поприветствуем нашу звезду!..

Аплодисменты.

Петти. И кочегара…

Кен. Гляжу, он вам приглянулся… А теперь ваш выход, адмирал!

Гораций. Готов!

Петти. Уже давно!

Кен. Мы с вами в районе мыса Трафальгар. Английский флот развернулся для атаки. Все ждут вашей атаки, сэр. Если помните, в тот день Нельсон пренебрег советом своих офицеров, вышел на палубу в парадном мундире и тут же попал в поле зрения вражеских снайперов. Я его понимаю!.. Это был день его триумфа, и он встретил его во всем блеске!.. Случайный выстрел накануне бессмертия… Не уверен, что у нас есть адмиральский

мундир, но на всякий случай спросим Пьера.

*Появляется **Пьер**.*

Пьер. Мундира нет, но в кают-компании сохранилась адмиральская треуголка.

Кен. Несите!

Пьер. Вот. *(Протягивает треуголку.)*

Кен. Примерьте, сэр!

Гораций напяливает треуголку.

Кен. Великолепно! Сам Нельсон позеленел бы от зависти.

Петти. Как все-таки головной убор военного преображает мужчин! Вперед, мой герой!

Кен. Сигнал к атаке, сэр!

Гораций. Открыть огонь!

Задник сцены уходит вверх, открывая окна рубки «Каталонии». И вот уже перед нами верхняя палуба лайнера. Мигают огни. Гудит сирена. Басовито ревет труба. Мечутся люди.

Крики

— Вырубите эту чертову сирену!

— Дайте поспать!

— Идем ко дну!

— Да идите вы куда хотите, только тихо!

Занавес

Действие второе

Картина третья

Кабинет его чести судьи Стингера. Письменный стол. Книжный шкаф, заполненный солидными фолиантами. Несколько кресел. Журнальный столик. Дверь справа и окно слева. Все традиционно и благоухает устойчивостью веков. Наверняка это помещение выглядело так же сто лет назад.

За столом — сам ***судья Стингер****, человек в мантии, столь же дремучий и крепкий, как мебель в его кабинете. Перед ним — наш старый знакомый* ***Кен*** *в строгом деловом костюме. Вот, собственно, и все собрание. Во всяком случае, на данный момент.*

Судья. Кто вы такой, сэр?

Кен. Ваш новый помощник, ваша честь.

Судья. Это может кто-нибудь удостоверить?

Кен. Так точно!

Судья. Пригласите этого человека.

Кен. Он перед вами, ваша честь.

Судья. То есть вы сами намерены свидетельствовать, что вы — это вы!

Кен. Кто это может сделать лучше меня, сэр!

Судья. Должен признать, в ваших словах есть логика. Выглядите вы неплохо. Подтянут, сдержан… Мне тут недавно прислали одного — дело было около полудня — так он уже не чувствовал под ногами палубу. Пришлось списать его на берег… Служили?

Кен. Так точно, сэр! Сержант Чарльз Донован, четырнадцатый отдельный батальон морской пехоты!

Судья. Жаль, что не флотский, но все же лучше, чем какой-нибудь сухопутный, Я попытался систематизировать дела, которые вел, и отметил одну объединяющую их особенность — странно, что никто не обратил на это внимания до сих пор. Ни один из преступников не служил в королевском военно-морском флоте. Вот так!.. Ваши свидетельства приняты, мистер Донован. Присядьте.

Кен опускается в кресло.

Судья. Сегодня у нас много работы, сержант. Предстоит выслушать свидетелей по иску сэра Эдварда к фирме Морисон энд Морисон. Рутинная процедура, но мы должны захватить плацдарм, чтобы понять, возьмем мы это дело в производство или откажем сэру Эдварду. Он, судя по всему, малый неплохой, но не служил во флоте, к сожа-

лению. Разумеется, это не должно повлиять на наше решение.

Кен. Понимаю, ваша честь.

Судья. Что вам известно по данному делу, Донован?

Кен. С вашего разрешения, сэр, перед тем, как доложить вам о своем прибытии, я ознакомился с иском. К тому же публикации в прессе, высказывания должностных лиц и так называемое общественное мнение…

Судья. Правосудие не должно быть подвержено чьему-либо мнению, сержант!

Кен. Совершенно с вами согласен, сэр!

Судья. Отсюда и начнем…

В этом месте его честь начинает похрапывать и через несколько мгновений погружается в глубокий сон. Кен с интересом наблюдает за ним, затем встает, делает несколько шагов, разминая ноги, глядит в окно, обозревает собрание фолиантов, бросает быстрый взгляд на бумаги на письменном столе и, обнаружив, что судья просыпается, спешит занять свое место в кресле.

Кен. …Непростое дело, ваша честь. Очень непростое! Но я полагаю, что беседа со свидетелями и ваш личный опыт, сэр…

Стингер открывает глаза.

Судья. Смирно!

Кен вскакивает.

Судья. Я очень внимательно выслушал все ваши доводы, Донован. Рад, что вы правильно оценили ситуацию. Стало быть, я в вас не ошибся. Присаживайтесь и продолжим. У вас есть список свидетелей?

Кен. Он у вас на столе, сэр.

Судья роется в бумагах, находит нужную.

Судья. Вот, кажется… Так… Мистер Тайгер…

Кен. Капитан «Каталонии», ваша честь. Хорошо, что моряк. Жаль, что не военный.

Судья. Ну, хоть так… Некто по имени Пьер.

Кен. Официант ресторана первого класса, сэр. В ту ночь обслуживал пассажиров. Личность скромная, незаметная, но достаточно умен и многое может порассказать о каждом из этого списка.

Судья. Откуда вы все это знаете, Донован?.. Впрочем, как мой помощник, вы просто обязаны это знать!.. Кто у нас там следующий… Сэр Эдвард. Ну, здесь все ясно.

Кен. С вашего разрешения, сэр — не совсем.

Судья. Жду ваших разъяснений.

Кен. Сэр Эдвард, известный в дипломатических

кругах и личный друг Черчилля, всю жизнь был влюблен в свою жену.

Судья. Действительно странно, Донован!

Кен. По официальной версии леди Хлоя погибла во время катания на лыжах в Альпах, что, собственно, и побудило сэра Эдварда попытаться опуститься на дно вместе с лайнером, на котором они много раз путешествовали вместе с супругой. Но лайнер не отправился на дно, что и вызвало иск сэра Эдварда к компании, которая якобы гарантировала ему это.

Судья. Очуметь можно!.. Вы еще скажите, что леди Хлоя жива.

Кен. Разумеется, сэр! Она значится в вашем списке под номером пять.

Судья. Так, так… Она, стало быть, жива, а он утверждает, что ее нет в живых!

Кен. Красивая выдумка, ваша честь. На этом держатся все легенды. Она его бросила, а он до сих пор не может в это поверить.

Судья. Ну, здесь все более-менее ясно. Только последний дурень способен вообразить, будто безумная любовь, если она не взаимна, способна удержать дамочку на верхней палубе… Да она скорее бросится за борт!.. И как же со всем этим разобраться?

Кен. Рассчитываю на вашу мудрость, сэр.

Судья. Я тоже… Кто следующий?

Кен. Мистер Гораций Нельсон.

Судья. Адмирал!

Кен. Однофамилец.

Судья. А я было подумал…

Кен. Мистер Нельсон — известный ресторатор.

Судья. Я готов закрыть на это глаза, исключительно из-за его фамилии.

Кен. Не уверен, что мистер Нельсон служил во флоте, но точно знаю, что его зовут Гораций.

Судья. Ну и компашка!..

Кен. Петти Инквайер, звезда экрана.

Судья. Слава богу, ни разу в жизни не был в кино!

Кен. Зато наша звезда много времени провела на морских волнах и сохранила о том самые приятные воспоминания.

Судья. Между нами, Донован, эта самая… Инквайер — интересная женщина?

Кен. Задача вашего помощника, ваша честь, рекомендовать вам только самое лучшее.

Судья. И что же…

Кен. Рекомендую… И наконец мисс Мур, владелица уже упоминавшейся фирмы Морисон энд Морисон, из-за которой разгорелся весь этот

сыр-бор.

Судья. Будем тушить, сержант! Будем тушить… С кого начнем?

Кен. Я думаю, с капитана. Он даст нам общую картину случившегося, а уж дальше будем ее конкретизировать.

Судья. Пригласите капитана Тайгера! Проверьте заодно, все ли люди на палубе. Пусть будут наготове!

Кен. Слушаюсь, сэр!

***Он** встает и исчезает за дверью.*

Судья. Интересная женщина… Энергичный молодой человек!..

Судья зевает, рискуя вывихнуть челюсть… Закрывает глаза и начинает похрапывать.

*В кабинет возвращается **Кен**, сопровождаемый **капитаном**.*

Капитан. Капитан Тайгер, ваша честь!

Кен подносит палец к губам, призывая капитана говорить потише.

Капитан. Что это с ним?

Кен. Его честь размышляет. Он, кстати говоря, ваш коллега — старшина королевского военно-морского флота.

Капитан. И как же он оказался здесь?

Кен. Судья Стингер — участник национальной

программы «Бывшие военные — на службе отечеству».

Капитан. А нельзя было послужить отечеству в другом качестве? Я слышал, в Лондоне острая нехватка лифтеров.

Кен. Не стоит острить, капитан, не зная, как говорится, сути дела. Могут припаять *неуважение к суду*. Судья Стингер — один из лучших служителей правосудия в этом секторе Галактики. С тех пор, как он заступил на должность, за ним не числится ни одного оправдательного приговора!

Капитан. Что вы говорите!

Кен. Не то чтобы подсудимые все как один были в белых одеждах, но можно было бы и помягче… Девиз его чести — «Вы не должны совершать преступление. Вы не можете даже думать об этом!» И, черт побери, сталкиваясь с делами, которые он вел, начинаешь думать, что, возможно, он прав!

Капитан. Очень возможно!.. Учитывая нынешнее падение нравов… А вы, стало быть, у него в помощниках…

Кен. Всего на один день!..

Капитан. Кто же вы на самом деле…

Судья начинает проявлять признаки жизни. Открывает глаза и с недоумением таращится на присутствующих.

Кен. Капитан Тайгер, сэр!

Судья. Смирно!..

Тайгер и Кен принимают соответствующую стойку.

Судья. Присаживайтесь, господа. Мне нравится ваша позиция, капитан Тайгер.

Капитан. Вам известна моя позиция, сэр?

Судья. Вы ведь не намерены чинить препятствия правосудию?

Капитан. Никоим образом, ваша честь!

Судья. Именно это я и имел в виду. Кстати, мы с вами встречаемся не впервой. Удивлены! Не помню уже в каком году я был прикомандирован к дивизиону подводных лодок. Мы шли на перископной глубине в районе Сейшельских островов. Вы — несколько северней.

Капитан. Это наш обычный маршрут, ваша честь.

Судья. Красивое, скажу вам, судно. Не налюбоваться!

Капитан. Рад, что мы имели удовольствие вам понравиться, сэр!

Судья. И еще я подумал, влепить бы им в борт парочку торпед — тут бы и слепой не промахнулся… Это было бы зрелище!..

Кен. Морякам королевского военно-морского

флота очень часто приходится сталкиваться с разного рода соблазнами. И сколько же сил уходит на то, чтобы сдержаться!..

Судья. Вы совершенно правы, сержант! Увы, этим качеством не обладают большинство лиц, склонных к преступным деяниям. Может быть потому, что все они не служили во флоте… Впрочем, об этом я уже говорил.

Кен. Уверен, что большинство лиц, приглашенных к вам, ваша честь, в тот момент находились на борту «Каталонии».

Капитан. Подтверждаю, сэр.

Судья. Из двух аппаратов — и бац!.. Насколько бы упростилась наша нынешняя задача… Капитан Тайгер, в том последнем рейсе вы должны были привести лайнер к побережью Индии для разделки судна на металл.

Капитан. Так точно, сэр.

Судья. Его не собирались затапливать в океане?

Капитан. Мне об этом ничего не известно. Я лишь выполнял распоряжение моего руководства.

Капитан. Приятно узнать, что среди моряков гражданского флота еще живы традиции порядка и дисциплины. А члены экипажа — могли они,

так сказать, посеять смуту среди пассажиров?

Капитан. У нас вымуштрованная команда, сэр. Люди в разговорах с пассажирами не касаются запрещенных тем.

Судья. Хорошее слово *муштра*, не находите, Донован?

Кен. Безусловно, ваша честь!

Судья. Скольким славным победам на морях обязана Англия безотчетному выполнению приказов, вбитых в головы и спины с помощью муштры!.. Я долго размышлял над тем, чтобы перенести этот опыт в дело борьбы с правонарушениями.

Капитан. Дельная мысль, сэр!

Судья. К сожалению, здесь есть серьезные препятствия. Нельзя муштровать преступника до того, как он совершил преступление, по той простой причине, что мы его не знаем. А когда он его совершил, его поздно учить уму-разуму. Его можно посадить, что в свою очередь является некой мерой воздействия, к сожалению, несколько запоздалой.

Кен. Очень глубоко, ваша честь!

Судья. Благодарю, сержант. Итак, мы можем констатировать, что единственным источником слухов о затоплении «Каталонии» является фир-

ма Морисон энд Морисон, сумевшая подобным образом привлечь на борт пассажиров, по разным причинам стремящихся покинуть земную юдоль. Это, как известно, у нас не запрещено. Но поскольку кому-то за это заплатили… Ни одного юридического прецедента!.. Впрочем, нет. Тысяча семьсот восемьдесят шестой год. Питерсон против Самуэля. Тогда под лозунгом «Отдать жизнь за родину» людей сгоняли на явную погибель в какие-то болота… забыл где… Все основывается на орфографическом казусе, скрывающемся в слове *отдать*. — Отдать что?.. Помнится, ответчик тогда как-то выкрутился, но шумиха была большая. Надо будет поднять это дело…

Постепенно речь судьи становится все более бессвязной, он молкнет и засыпает.

Капитан и Кен потрясенно переглядываются друг с другом.

Кен. Бывшие военные на службе отечеству…

Капитан. Не думаю, что из него получился бы хороший лифтер…

Кен. Благодарю вас от имени правосудия и полагаю, что вы свободны.

Капитан. Я потрясен.

Кен. А уж я и подавно. Прошу вас!

Кен *провожает* ***капитана*** *до двери и вместе с*

ним выходит в коридор. Судья продолжает мирно похрапывать.

Кабинет меж тем начинает стремительно преображаться. Какие-то то люди в белых куртках, среди которых мы узнаем ***Нельсона*** *и* ***Пьера****, мгновенно сервируют обед, используя для этой цели несколько столиков на колесах. Закончив работу, все, кроме Пьера и Нельсона, исчезают из комнаты, а к новым участникам действия присоединяется* ***Кен****.*

Нельсон. Он что, спит?

Кен. Его честь думает. У него манера такая — притворяться спящим.

Нельсон. А-а-а-а-а…

Кен. На самом деле он все видит и даже пересчитал наличные в вашем кармане, Гораций.

Нельсон. Но там такая мелочь!.. Вы не предупредили…

Кен. О чем? Вы ведь шли на прием к судье!.. Будем как-то выкручиваться… Внимание, третий звонок!

Нельсон. Какой, черт побери, звонок!

Пьер берет со столика маленький серебряный колокольчик. Его легкий перезвон сопровождает пробуждение судьи.

Судья. Смирно!

Присутствующие в кабинете вытягиваются в струну. Судья изумленно озирается.

Судья. Донован!

Кен. Да, ваша честь!

Судья. Что происходит на палубе? Кто эти люди?

Кен. Обед, сэр. Это традиция нашего учреждения.

Судья. Почему я ничего не знаю об этом?

Кен. Потому что до сих пор я не имел удовольствия состоять при вашей чести в качестве помощника.

Судья. Помощник вы действительно дельный. Да, и время обеда, надо признать… А кто за все это платит?

Кен. Правосудие, сэр.

Судья. Ну, если так…

Кен*(гостям)*. Не стойте как остолопы. Подойдите поближе. Ваша честь, мы решили совместить, так сказать, пользу и выгоду. Надеюсь, приятная беседа не повредит вашим пищеварительным рефлексам! Это мистер Гораций Нельсон, ресторатор. Это мсье Пьер, официант.

Судья. Вот оно что!.. Дача взятки должностному лицу при исполнении служебных обязанностей!.. Я отказываюсь!

Кен. Даже из уважения к великому флотоводцу? Во время трапезы вы ничего не исполняете. У вас просто не будет такой возможности. Устрицы, между прочим, прямо из Трафальгара. Весьма возможно, что их далекие предки когда-то присутствовали при триумфе королевского военно-морского флота.

Гораций. С той стороны. *(Показывает вниз.)*

Кен. Да. Вас это не вдохновляет?

Дверь энергично распахивается, и в повествование решительно врывается ***Петти Инквайер****. Выглядит она настолько потрясающе, насколько это вообще возможно в ее случае. Не теряя времени зря, Петти хватает со стола салфетку, материализуется за спиной судьи и подвязывает салфетку у него на груди.*

Судья ошалело наблюдает за ней.

Петти. Петти.

Кен. Его честь судья Стингер.

Петти. На какое имя вы откликаетесь, ваша честь?

Судья. Сэм.

Петти. Сэм… Так звали моего покойного мужа. Не помню которого. Что выпьешь, Сэм, — виски, шампанского?..

Судья. Шампанского… И виски…

Пьер. В одном бокале, сэр!

Петти. Подай три. Его честь сама смешает в нужной пропорции.

Пьер приносит заказанное.

Судья. А ты неплохая девчонка, Петти!

Кен. Откуда только в наших судейских такое знание человеческой природы! Когда в последний раз эту старую прищепку называли девчонкой…

Нельсон. Знаете, сколько я ей заплатил!..

Петти. Большую часть жизни я провела на океанской волне, мой адмирал.

Гораций. Она имела в виду водяной матрас.

Судья. Старшина…

Петти. Ты здесь за старшего?

Судья. В этом бедламе — да.

Петти. Значит, адмирал! Пей, адмирал! Все равно от этого никуда не деться!

Судья. Твое здоровье, крошка!

Петти. Имей в виду, морячок, я общаюсь только с неженатыми мужчинами.

Гораций. Ну, это она преувеличивает…

Судья. Я вдов.

Кен. Что ваша честь желает узнать по данному делу?

Судья. Ничего.

Нельсон. Он не темнит?

Кен. Очень светлый человек!

Нельсон. А газеты долдонят, что у нас дела рассматриваются годами.

Судья. Джентльмены, время переходить к делам.

Нельсон. Я дам команду прибраться здесь.

Судья. Оставьте все, как есть. Мы к этому вопросу еще вернемся. Прошу вас, мистер Нельсон, подождать в коридоре. Вы нам еще понадобитесь.

Нельсон. Слушаюсь, сэр!

Судья. И ты, Петти, никуда не девайся. Будь под руками.

Петти. Под любой частью тела, ваша честь!

Кен. На флоте это называется готовностью номер один.

Нельсон. Ну, не только на флоте…

Судья. Донован!

Кен. Слушаю, сэр!

Судья. Проведите наших гостей на верхнюю палубу и присмотрите за дамой. Качает, знаете ли…

Кен. Будет исполнено, сэр!

Петти. Качает… Штормит!

Кен. Прошу вас, господа!..

Петти оглядывается и адресует судье выразительный жест.

Петти. Сэмик!..

Все следуют в коридор.

Судья. Огонь-девчонка!.. А этот Донован — просто молодец!.. Напоминает меня в молодости. Правда, я был покруче!.. В помощниках у кучера не поволынишь… Знай погоняй!.. Но тоже неплох — старается…

Судья откидывает голову на спинку кресла и засыпает.

Возвращается ***Кен****. Обнаруживает судью за привычным для него занятием. Опускается в кресло.*

Кен. Похоже, ваша честь, для иска сэра Эдварда нет достаточных оснований.

Судья приоткрывает глаза.

Судья. Я тоже так считаю.

Кен. Кто это сказал?

Судья. Да, кто это сказал?

Кен. Вероятно, вы, ваша честь.

Судья. Может и не я, но я того же мнения. Смирно!

Кен вскакивает.

Кен. Вот теперь это точно вы, сэр!

Судья. Садитесь! Сегодня был бурный день. Вы заслужили отдых. Меня смущает, что все

эти люди стараются произвести на нас хорошее впечатление. Обычно это делают те, кому есть что скрывать!

Кен. Тонкая мысль, сэр!

Судья. Что капитан, хоть я не ждал подобного от моряка. Что этот беспардонный однофамилец великого флотоводца. Уж если ты от рождения носишь фамилию Шлюхер и пытаешься это скрыть, то будь скромнее, назовись Черчиллем, но не Нельсоном!..

Кен. Но откуда, ваша честь…

Судья берет со стола и показывает Кену какую-то бумагу.

Судья. Вот справка.

Кен. У меня нет слов, ваша честь!

Судья. И не надо. Обычная работа — чем восхищаться… Разумеется, мисс Петти — вне подозрений!.. Прелестная девчонка, вы не находите?..

Кен. Я имел честь рекомендовать ее вам, ваша честь!

Судья. И правильно сделали. Хотя, конечно, я бы и сам разобрался… И все-таки, черт побери, что же они скрывают?

Кен. Боюсь, что ничего, сэр. Они куда-то плыли, доплыли, вот, собственно, и все.

Судья. В чем же тогда подвох?

Кен. Любой из них в той или иной степени — порядочный человек.

Судья. Это вы хорошо сказали — в той или иной степени!..

Кен. Разумеется, это не касается мисс Петти, которая порядочна безо всяких условностей. И каждый боится оказаться участником скандала, ибо убеждены, что в суд просто так не вызывают!

Судья. Я бы предложил периодически вызывать в суд все взрослое население, исключительно для того, чтобы они прониклись высказанной вами мыслью. Но, боюсь, меня не поддержат — дополнительные расходы, знаете ли… Что касается данного дела, то у меня нехорошее предчувствие, что оно не только не закончится обвинительным приговором, но вообще не попадет в суд. Впервые за мою безупречную практику!.. Что подумают люди!.. Как там в районе верхней палубы, сержант?

Кен. Все малость приуныли, но мисс Петти не дает людям скучать.

Судья. Ай, молодец! Вот такую бы я охотно взял к себе в команду.

Кен. Подозреваю, что она уже в команде.

Судья. Что побудило вас сделать подобный

вывод?

Кен. Она так на вас смотрела, сэр!

Судья. Вы — наблюдательный парень, Донован. Но хватит о мисс Петти. Кто там у нас готов предстать перед правосудием?

Кен. В наличии сэр Эдвард, ваша честь.

Судья. Как его самочувствие?

Кен. На ногах держится без посторонней помощи.

Судья. Язык у него не заплетается?.. Прошу меня правильно понять, Донован. Я буду задавать нашему гостю острые вопросы и вправе ожидать от него вразумительных ответов.

Кен. Вот это мы сейчас и проверим.

Судья. Каким образом?

Кен. Пригласим его к нам.

Судья. Разумно. А леди Хлоя?

Кен. Еще не прибыла. Альпы далековато.

Судья. Не знаю, не был. Похоже, дамочка не спешит. Стало быть, что-то знает! Может быть, озадачим Петти? Разговор двух дам — лучший способ дознания. Правосудие подобными возможностями не располагает. Как ни крути, две дамы — не одна дама.

Кен. Хорошо сказано, ваша честь. Вероятно, есть что вспомнить!..

Судья. Не время предаваться воспоминаниям. Пригласите сэра Эдварда. Постарайтесь внушить ему наше к нему благорасположение. Только без рукоприкладства! Все-таки лорд!

Кен. Слушаюсь, ваша честь!

Кен *исчезает за дверью. Судья, как это уже бывало ранее, откидывается на спинку кресла и засыпает.*

Практически сразу в кабинете появляется ***сэр Эдвард****, сопровождаемый* ***Кеном****. Сэр Эдвард одет в шотландский национальный костюм, включая килт, который весьма живописно смотрится на нем. В руках у него — уже знакомый нам кейс.*

Эдвард. Значит, вы по судейскому ведомству, молодой человек?

Кен. В настоящий момент — да.

Эдвард. Глоточек виски?

Судья просыпается и мгновенно включается в разговор.

Судья. Конечно!

Эдвард. Смирно!

Судья вскакивает и замирает.

Эдвард. Вольно, садитесь! *(Кену.)* А он еще ничего, этот наш ваша честь! Похоже, Петти была права. А уж ей-то понравиться!..

Кен*(в адрес судьи)*. А!.. Орел!..

Судья. Полагаю, сэр Эдвард?

Эдвард. Я даже не спрашиваю, кто вы. Я знаю! Вы — судья Стингер, известный своими высокоморальными принципами и безжалостным отношением к преступникам.

Судья. У вас замечательный голос, сэр Эдвард. Он прекрасно звучал бы с командного мостика линкора.

Эдвард. То же самое мне однажды сказал премьер-министр.

Судья. Черчилль?

Эдвард. А что, был кто-то еще? Не командовал я линкором. Я командовал государством.

Кен. Призываю государственных мужей вернуться к делу, по поводу которого мы все здесь собрались.

Эдвард. Вы совершенно правы, юноша, несмотря на непозволительный тон, и поэтому я вас прощаю. Глоточек виски, ваша честь?

Судья. Я угощаю. Донован, вон на том столике.

Эдвард. Нет уж, позвольте!..

Подходит к столу судьи, наполняет два бокала.

Эдвард. Да здравствует Англия!

Судья. Ура!

Поднимается и выпивает стоя.

Кен. Как просто улучшить вкус напитка к месту сказанным словом.

Судья. Божественно!.. Как называется этот нектар?

Эдвард. Леди Хлоя. — Правда, поначалу было другое название…

Судья. Полагаю, двадцатилетняя выдержка.

Эдвард. Да, вы знаток, сэр! Вы догадались или здесь… что-то иное?

Судья. Двадцать лет назад вы и ваша супруга предприняли некую поездку в горы… Простите, сэр Эдвард, что я сразу из главного калибра, но ведь надо же с чего-то начинать!

Эдвард. Печальный факт… Печальный вкус… Печальные воспоминания…

Судья. Шекспир?

Эдвард. Один малоизвестный шотландский бард.

Кен. Все друзья нашего премьер-министра такие многогранные люди!..

Судья. В вашем иске к компании… ну, вы знаете к какой… говорится, что вы предприняли поездку… ну, вы знаете какую… исключительно для того, чтобы пойти на дно вместе с лайнером. Они вам это обещали?

Эдвард. Нет.

Судья. Зачем же вы отправились в это плавание?

Эдвард. Захотелось развлечься, знаете ли…

Судья. Но тогда ваш иск лишен всякого смысла.

Эдвард. Я и сам намеревался его отозвать.

Судья берет со стола бумагу, читает:

Судья. «Во время плавания сэр Эдвард находился в крайне подавленном состоянии».

Эдвард. В таком состоянии я и иск сочинил.

Судья. Теперь, значит, у вас другое состояние…

Эдвард. В последнее время, ваша честь, я много думал над темами, которые принято называть *вечными*.

Судья. И что надумали?

Эдвард. Грустная жизнь все же лучше, чем веселые похороны.

Судья. Жаль, что вы не служили во флоте. Ребята б вас оценили!.. Что-то мне подсказывает, что эти проходимцы Морисоны — уверен, что среди них нет ни одного Морисона, — все же предлагали вам океанское погребение. И, вероятно, не вам одному.

Эдвард. Так или иначе, я отзываю свой иск.

Судья. И эта милая компашка не будет наказана… Кстати, по адресу, который они указали,

нет ни фирмы, ни Морисонов, а только какая-то мутная забегаловка, где мы не обнаружили ни одного просветленного лица.

Эдвард. И какие же обвинения, ваша честь, вы собирались предъявить им, если они, просто предположим, действительно сватали людей отправиться в вечное плавание?

Судья. Принуждение к ограблению банка — это уголовное преступление. А принуждение к смерти, пусть сделанное в самой деликатной форме, связанное с душевным состоянием участников этого деликатного дельца, стало быть, нет?

Эдвард. Ну, не знаю… Не хочу, да и не могу возвращаться в те дни.

Судья. Вернитесь, уважаемый сэр, и я вам гарантирую, что эти Морисоны — кто бы за ними не стоял — ближайшие несколько лет будут проворачивать свои аферы среди тюремной братвы.

Кен. Нет такого закона, ваша честь… К сожалению!..

Судья. Нет, говорите… Значит, наше правосудие несовершенно! Жизнь тяжела, господа. Люди отравлены пренебрежительным отношением к ним. Их не поддерживают, а стремятся загнать в такие потайные уголки души, из которых уже нет выхода. И потому каждый, кто замешан в

подобных деяниях — преступник!

Кен. Впечатляющая речь, сэр!

Судья. Впервые за целый день в вашем голосе нет насмешки, Донован… или как вас там…

Кен. Не понимаю, о чем вы, ваша честь.

Судья. Кого вы собрались обмануть? Корабельного старшину?

Эдвард. Дорого бы я заплатил за то, чтобы вернуть вам благодушное настроение, сэр. В ближайшее время парламент обязательно рассмотрит, скажем так, некоторые поправки к некоторым законам, о которых вы только что толковали.

Судья. Это поможет делу!

Распахивается дверь, пропуская ***леди Хлою****. Она эффектна, напориста, молодо выглядит и привлекает внимание, хотя, похоже, к этому не стремится.*

Петти*(из коридора)*. Вас приглашали? Сюда нельзя! Его честь занят!

Хлоя. Я сама могу пригласить кого угодно! *(Бывшему мужу.)* Эдвард!.. Для того, чтобы встретиться со мной, тебе пришло в голову вызвать меня в суд!

Судья. Вас вызывал я!

Кен. Его честь судья Стингер.

Хлоя. Рада вас видеть, сэр.

Судья. Боже мой, наконец нашелся кто-то, кто рад меня видеть.

Хлоя. Благодарю вас, ваша честь! Вы абсолютно верно обрисовали положение вещей. Двадцать лет назад я поступила как *кто-то*, кого трудно назвать по-другому, иначе пришлось бы прибегнуть к терминологии постоянных обитателей исправительных учреждений. *(Эдварду.)* Я знаю, ты любил меня все эти годы. Надеюсь, это придавало тебе силы жить.

Судья. Не всегда, леди Хлоя. Не всегда. Самое трудное в жизни — это постоянство. Впрочем, полагаю, это вы знаете без меня.

Хлоя. Еще раз благодарю вас, ваша честь. А у тебя, Эдвард, хочу спросить — хватит ли у тебя сил принять меня снова?.. Ты в килте! В Шотландии праздник?

Эдвард. У меня…

Хлоя. Мое любимое дерево, в которое я якобы врезалась… Оно каждый день напоминало мне о тебе. Как я теперь без него…

Судья. Есть один вариант, леди. Надевайте лыжи и двигайтесь в уже известном направлении.

Хлоя. Ценю ваше остроумие, сэр, но отныне направление у меня другое, и черт с ним, с деревом!

Я не целую тебя, Эдвард, полагаю, это несколько преждевременно. Мне потребуется несколько дней для улаживания дел.

Эдвард. Разумеется.

Хлоя *исчезает за дверью. Эдвард провожает ее взглядом, исполненным смятения.*

Кен. Не завидую я нашему сэру Эдварду.

Судья. И правильно делаете! Столько противоречивых чувств одновременно!.. Что за день сегодня такой!.. Все мирятся и едва не плачут… Хотел сказать — от счастья, да что-то непохоже… Дальше так пойдет — некого будет сажать за решетку… Так кто же вы все-таки такой, мистер Донован?

Кен. Кен Барт, специальный корреспондент Таймса. Я отслеживаю это дело еще с плавания «Каталонии». Правда, финал у него какой-то не захватывающий. Все на плаву, все счастливы…

Судья. До чего мы дожили! Когда люди счастливы — это никого не захватывает… Почаще заглядывайте к нам — я подберу для вас нечто совершенно особенное! Кстати, куда вы девали тело моего помощника — сунули в камин?

Кен. Он жив и вскоре предстанет перед вами, сэр.

Судья. Мне будет вас не хватать, сержант. С

вами в этот кабинет пришло разнообразие. Оказывается, смысл жизни не только в том, чтобы кого-то посадить.

Кен. Меня просто найти, ваша честь. Я всегда в районе верхней палубы.

*В кабинете появляется **Кетлин**, в которой соединились вещи, на первый взгляд, несовместимые — растерянность и решимость, уверенность в правильности происходящего и сомнения по тому же поводу.*

Кетлин. Здравствуйте, ваша честь.

Судья. Кто вы такая, мисс? Вас приглашали?

Кетлин. Нет. Не уверена, что вы обрадуетесь, когда узнаете, кто я.

Судья. Сегодня меня уже ничем не удивить, но попытайтесь.

Кетлин. Вы проводите дознание по иску сэра Эдварда к компании Морисон энд Морисон.

Судья. Поразительно, до чего осведомленные у нас люди!

Кетлин. Я одна из Морисонов, ваша честь. Кетлин, но не Морисон.

Судья. Похоже, собственную фамилию здесь не скрываю я один.

Кен. Здравствуйте, Кетлин!

Кетлин. Кен, что вы здесь делаете? Способству-

ете правосудию?

Судья. И, кстати, весьма успешно! Хоть и под псевдонимом…

Кен. Не поверите, но одна из причин, по которой я здесь оказался — вы.

Судья. Если у человека нет ни имени, ни адреса — ищи его в суде! Мудро, мой мальчик! Ваш ход, мисс Кетлин!

Кетлин. Не скрою, я тоже рада вас видеть, Кен, хотя ваше неожиданное появление в разных местах несколько ошарашивает.

Судья. Мы всегда являемся неожиданно и почти всегда там, где нас не ждут, ибо мы — правосудие! Спешу сообщить, что свой иск сэр Эдвард отозвал.

Кетлин. У него были основания для иска, и меня это печалит.

Судья. А меня радует ваше признание, которое ставит жирную точку в так и не начавшемся деле «Сэр Эдвард против компании Морисон энд Морисон». У нашего правосудия, при всей его видимой грозности, скромные возможности. Я могу вас посадить, но за что? Могу отпустить, но вы и так свободны. Решать вопросы морального плана правосудие не способно. Скорее, это по части мистера Кена. Рекомендую!..

Кен. Я готов.

Звучит экзотическая музыка. Дверь распахивается и в кабинет вваливаются ***все****, кто дожидался в коридоре. Возглавляет шествие новое лицо —* ***молодой человек****, одетый более чем легко — в набедренной повязке, с травяным венком на голове и босиком. Его сопровождают две темнокожие* ***девицы*** *в сходных нарядах.*

Хлоя*(Петти).* Дела подождут. Меня занимает только любовь. *(Эдварду.)* Я здесь, милый!

Петти. Прекрасно тебя понимаю, Хлоечка!

Молодой человек. С Новым годом, ваша честь!

Судья. Какой Новый год! Март месяц! Похоже, распустили психушку… Кто вы такой, черт побери!

Молодой человек. Я ваш новый помощник, ваша честь. Чарльз Донован.

Судья. Вы не путаете? Тот, кто выдавал себя за вас, хотя бы ходил в штанах!

Донован. На архипелаге Трахенбаб все так ходят, сэр. Там жарко.

Судья. Трахе… Как вы сказали?..

Эдвард. Как вам послышалось. Это где-то в Полинезии.

Судья. Осталось выяснить, где эта самая Полинезия… А эти двое…

Донован. Это Тера и Тара. Одну мне подарили. Вторую я захватил… на всякий случай. Если бы не мистер Барт…

Судья. Вот, значит, кому мы всем обязаны!.. Что вы там несете про Новый год?

Нельсон. На архипелаге Трахенбаб Новый год отмечают в течение целого года и каждый день. Только отметили, глядишь, опять Новый!.. Я оттуда еле ноги унес!..

Кен. Идиоты на пикнике.

Кетлин. Не грешите, Кен. Пикничок явно удался!..

Судья. Расскажу — не поверят!.. Слушайте, сержант, у вас наверняка имеется фотокамера.

Кен. Разумеется. Что надо делать, сэр?

Судья. Запечатлеть всех нас. Все-таки доказательство…

Кен. Есть, сэр!

Кен вытаскивает из-за книжного шкафа камеру на треноге, устанавливает ее у двери. Командует:

Кен. Вы в центре, ваша честь!

Петти. Я с тобой, Сэмик! Я с тобой!

Судья. Иди ко мне, детка.

Кен. Тера и Тара — ближе к Чарльзу. Не так пылко — это всего лишь съемка… Сэр Эдвард…

Здесь все понятно… Нельсон, не выпирайте!.. Вот так… И, пожалуйста, веселей — сегодня как-никак Новый год.

Кен включает автоспуск и занимает место рядом с Кетлин. Взрывы смеха. Полные смысла взгляды. Гости, льнущие к судье, и сам судья, откровенно обнимающий Петти…

Срабатывает фотовспышка.

Все хором. С Новым годом!..

Занавес